

Яковлева Екатерина Алексеевна

ПАРЕМИЧЕСКИЙ ФОНД ЯЗЫКА: КУЛЬТУРНАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ

В статье рассматривается проблема соотношения универсальных и национально-специфических характеристик, присущих пословицам и поговоркам любого языка. Для выявления этноспецифических черт паремии, проявляющихся на фоне культурных универсалий, необходимо опираться на синергетическое единство интралингвистических и экстралингвистических факторов, что позволит выявить национальную специфику осмысления окружающей действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 212-216. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. Дейк ван Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 153-211.
13. Елистратова А. А. Готический роман // История английской литературы. М. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1945. Т. 1. Вып. 2. 593 с.
14. Елистратова А. А. История английской литературы. М. – Л.: АН СССР, 1953. Т. 1. Вып. 2. 616 с.
15. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Московского университета, 1976. 307 с.
16. Кубрякова Е. С. Дискурс: определение и направления в его исследовании // Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Российская академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 519-531.
17. Кубрякова Е. С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л. Н. Чурилина. М.: Флинта: Наука, 2006. 416 с.
18. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
19. Макаров М. Л. Языковой дискурс и психология. Язык и дискурс: когнитивные и коммуникативные аспекты. Тверь: ТвГУ, 1997. С. 34-45.
20. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике / сост., общ. ред., вступ. ст. Т. М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 467-472.
21. Разумный В. А. Игра – искусство или искусство – игра? (парадокс амбивалентности). М., 2000. 105 с.
22. Соловьева Н. А. Английский предромантизм и формирование романтического метода. М., 1984. 180 с.
23. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
24. Хейзинга И. Осень Средневековья. М.: Прогресс – Культура, 1995. 413 с.
25. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. Рязань: Рязанский гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2002. С. 230-232.
26. Шейгал Е. И., Иванова Ю. М. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 1. С. 3-20.
27. Cox J. Introduction // Seven Gothic Dramas, 1789-1825. Ohio University Press, 1992. С. 3-38.
28. Spark M. Not to Disturb. London: Macmillan, 1971. 145 с.
29. Varma D. The Gothic Flame: Being a History of the Gothic Novel in England: Its Origins, Efflorescence, Disintegration and Residuary Influences. L.: Arthur Baker Ltd. and Harrison and Gibb Ltd., 1957. 206 p.

**ELEMENTS OF “GOTHIC GAME” IN THE NOVEL BY M. SPARK “NOT TO DISTURB”
AS A MEANS FOR ACHIEVING SPECIAL STYLISTIC EFFECT**

Shabanova Lyubov' Yur'evna

*Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy
lyubov.shabanova@yahoo.com*

The article examines a conception of “gothic game” by the material of the novel by M. Spark “Not to Disturb” from the viewpoint of cognitive approach. The author investigates a nature of convergence of Gothic with a detective narration, provides a semiotic analysis of the thematic fields (motive of horror, irony, humour, alibi and fate). The researcher examines the correlation of the concepts “discourse”, “text” and “genre”, identifies the basic features of M. Spark’s narrative manner.

Key words and phrases: semiotics; semantics; concept; conceptual field; cognitive linguistics; discourse; text.

УДК 81’398.91

Филологические науки

В статье рассматривается проблема соотношения универсальных и национально-специфических характеристик, присущих пословицам и поговоркам любого языка. Для выявления этноспецифических черт паремии, проявляющихся на фоне культурных универсалий, необходимо опираться на синергетическое единство интралингвистических и экстралингвистических факторов, что позволит выявить национальную специфику осмысления окружающей действительности.

Ключевые слова и фразы: культурные универсалии; паремический фонд; этноспецифичность; эквивалентность паремий.

Яковлева Екатерина Алексеевна

*Дальневосточный федеральный университет
Katty19061990@gmail.com*

**ПАРЕМИЧЕСКИЙ ФОНД ЯЗЫКА:
КУЛЬТУРНАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ[©]**

Исследование выполнено при поддержке программы «Научный фонд» ДВФУ.

Пословицы и поговорки представляют собой сложные образования, особый тип речевого творчества народа, многие аспекты функционирования которых до сих пор остаются дискуссионными. Одной из таких

проблем является вопрос соотношения универсальных и этноспецифических черт в пословичном фонде любого языка. В настоящее время в исследовательской литературе распространен подход к рассмотрению паремий как культурно-маркированных единиц языка, которые в сжатом виде выражают мудрость и опыт предшествующих поколений. Согласно такой точке зрения, паремии в большей степени, чем другие языковые единицы, передают национальную специфику и окраску языка. Именно поэтому пословицы и поговорки часто определяются такими метафорами, как «автобиография народа», «энциклопедия народной жизни» и «зеркало культуры». Данные изречения «ярко отображают быт, нравы, обычаи и прочие специфические особенности создавшего их народа. <...> В них находят свое отражение все, чем живет и с чем сталкивается тот или иной народ на протяжении веков» [6, с. 19].

Тем не менее, при изучении и сопоставлении фразеологических и паремических фондов разных языков, а также попытке выявить этноспецифические особенности осмысления действительности, закрепленные и отраженные в языке, исследователи неизбежно сталкиваются с явлением культурной универсальности данных языковых единиц. Универсальный, пан-культурный характер пословиц и поговорок основан на том факте, что механизм их построения и семантика во многом оказываются схожими даже в разнотипных языках (ср. в русском *Куй железо пока горячо*, в английском *Strike the iron while it's hot*, в китайском 趁热打铁 досл. «Воспользуйся жаром дляковки железа»).

Цель данного исследования заключается в установлении соотношения универсальных и национально-специфических черт, присущих пословицам и поговоркам любого языка. Исследование было выполнено на материале китайского, русского и английского языков – языков, совершенно разных не только в структурном плане, но и отличных друг от друга по культуре и национальному мировоззрению их носителей.

По утверждению Ю. И. Левина, «паремиологам хорошо известно, что значения подавляющего большинства пословиц представляют собой универсалии: для почти любой пословицы данного народа можно почти всегда найти синоним среди пословиц любого другого народа; различия касаются почти исключительно предметно-образной сферы, не затрагивая значений» [4, с. 122]. На абсолютные совпадения в логической форме содержания паремий, принадлежащих разным народам, указывал и Г. Л. Пермяков [6, с. 21].

Многочисленные сравнительные исследования фразеологизмов и паремий на материале родственных и неродственных языков, существование различных сопоставительных словарей и типологий пословиц и поговорок доказывают, что смысл пословиц одной этнической группы оказывается тождественным смыслу пословиц совершенно иной языковой и культурной общности.

Подобная эквивалентность паремий разных народов обусловлена, по словам Н. Ф. Алефиренко, «общечеловеческим характером нашего мышления, общим поступательным развитием человеческой культуры и цивилизации, всеобщностью бытия и познания и, соответственно, их универсальными законами и категориями» [1, с. 172]. Кроме общности и универсальности законов бытия и познания, источником таких универсалий могут служить интернациональные библейские, мифологические, литературные, исторические и культурные сюжеты, послужившие основой рождения житейской мудрости, заключенной в идиоматических выражениях. Более того, несложно заметить, что пословицы и поговорки представляют собой свод жизненных правил и предписаний, семантика которых базируется на универсальных, общечеловеческих концептах – любви, дружбы, судьбы, чувства долга и ответственности и т.д.

Г. Л. Пермяков, помимо вышеперечисленных причин сходства пословиц, указывал также на общность их основных фольклорных и языковых функций. Рассматривая пословичные изречения как языковые знаки и образные модели универсальных жизненных и типовых ситуаций, ученый на основе проведенных сопоставительных исследований приходит к выводу о существовании соответствий между пословичными фондами языков мира [6, с. 138].

Однако при этом нельзя не заметить, что логика сложения образности пословиц напрямую зависит от конкретных социальных, исторических, бытовых и других условий, на фоне которых они возникали. В связи с чем О. А. Корнилов делает вывод о том, что «пословицы и поговорки “не часто не являются абсолютными эквивалентами”, а крайне редко таковыми являются, если иметь в виду и смысловую тождественность, и тождественность средств образного выражения этого смысла» [3, с. 258]. Таким образом, даже при кажущейся эквивалентности пословиц разных языков, тщательный анализ может раскрыть те нюансы отличия, которые несут информацию о национальной специфике менталитета и являются важными для понимания иной культуры. Данное положение можно проиллюстрировать на примере китайской пословицы 在家千日好,出门一时难 (досл. «дома и тысячу дней прожить легко, выйдешь из дому – и час трудно»), которая в словарях сопровождается эквивалентами: в английском – *there is no place like home* и в русском – *в гостях хорошо, а дома лучше*. Проанализировав внутреннюю форму китайской пословицы можно обратить внимание на то, что она передает следующий обобщенный смысл: «жизнь вне пределов собственного дома таит в себе трудности и опасности». Форма английской и русской пословиц-эквивалентов не раскрывает явного противопоставления внутреннего пространства дома и чужой внешней среды, несущей опасность.

Внутренняя форма пословиц, их образное основание дают ценную информацию о способе осмысления окружающего мира конкретным лингвокультурным сообществом – о том, как архетипическое, мифологическое и прототипическое сознание находит отражение в языке. Так, например, в китайском языке идиома 狗嘴裏吐不出象牙 (досл. «из собачьей пасти не жди слоновой кости») с переносным значением «не жди доброго слова от плохого человека», содержит компонент 狗 (собака), который в китайской культуре в большинстве

пословиц и устойчивых выражений характеризует подлого и неблагодарного человека. Связано это с тем, что в прошлом в Китае большинство людей были настолько бедными, что едва ли могли найти средства на пропитание самому себе, в таких условиях речи о содержании собаки идти и вовсе не могло. Только лишь богатые землевладельцы могли позволить содержать собак в качестве животных-охранников, которые часто нападали на простых людей, когда те проходили мимо. Именно поэтому у большинства населения Китая сформировалось отрицательное отношение к собакам, в связи с чем слово приобрело негативную коннотацию, а в речи появилась поговорка, характеризующая данную ситуацию – 人爱富的,狗咬穷的 (досл. «Каждый уважает богатого, а собаки кусают бедняков»). Более древние истоки негативного отношения к данному животному, несомненно, относятся к мифологическим воззрениям древних китайцев. Так, одна из часто встречающихся поговорок – 天狗吃不了日头 (досл. «Небесный пёс не поглотит все солнце» в значении «зло не может одержать победу над добром навечно») содержит упоминание о Небесном псе, который, согласно поверьям, проглатывал солнце, тем самым вызывая затмения, а также крал младенцев у матерей. Таким образом, собаке в древнем Китае приписывались злые и своенравные черты характера.

При этом нельзя отрицать, что и в других культурах образ собаки также зачастую ассоциируется с какой-либо негативной характеристикой или последствием, что находит отображение в устойчивых выражениях. Например, английские поговорки *He who lies down with dogs rises with fleas* (досл. «Тот, кто ложиться с собаками, встает с блохами»), *Let sleeping dogs lie* (досл. «Не буди спящего пса» в образном значении «Не буди лихо, пока оно тихо»); русские идиомы *С собакой ляжешь, с блохами встанешь*, *Как собака на сене лежит: сама не ест, и другим не дает*, *Собаке – собачья смерть* связаны с отрицательными качествами собаки. На этом основании можно было бы сделать вывод об универсальности данной зоометафоры в паремиях разных культур. Однако необходимо подчеркнуть, что, во-первых, наряду с негативными характеристиками в европейской культуре также упоминаются и положительные: русск. *При верном псе стороже спит*, *Без собаки зайца не поймаешь*, англ. *Every dog has its day* (досл. «У каждой собаки есть свой день» в переносном значении «Будет и на нашей улице праздник»). А, во-вторых, в настоящее время происходит переосмысление отношения к данному животному. Как в английской, так и в русской культуре собаку принято называть лучшим другом человека благодаря таким её качествам, как верность и преданность, что выражается в соответствующей поговорке – *Собака человеку неизменный друг*, а также в ряде идиоматических выражений: *собачий взгляд*, *собачья преданность*, *собачьи глаза*, *to follow smb. like a dog* (ходить за кем-либо как собачка) и т.д.

В Китае же отношение к собаке было сродни отношению к свинье в западных культурах. Так, во времена культурной революции 1966-1976 гг. широкое распространение получила фраза 走狗 – прихвостень, приспешник, употреблявшаяся в отношении капиталистов, тогда как в европейской культуре для выражения этой же характеристики бытовала фраза с зоокомпонентом «свинья» – *capitalist pig*.

Стоит упомянуть, что в современном Китае в связи с процессами глобализации и приобщению к западной культуре отношение к собакам постепенно изменяется – в настоящее время многие китайцы содержат собак в качестве любимых домашних питомцев. Тем не менее, негативный образ собаки прочно закрепился в идиоматике языка, в связи с чем в китайском языке до сих пор повсеместно бытуют стилистически сниженные словосочетания и поговорки с данным зоокомпонентом: 狗头军师 (досл. «стратег с собачьей головой» в образном обозначении «горе-советчика»), 狗看他 (досл. «вилять хвостом перед ним» в значении «подлизываться, пресмыкаться»), 钻狗洞 (досл. «пролезать в собачью конуру» в значении «творить бесчестные дела, пробиваясь вперёд»), 狗改不了吃屎 (досл. «собака не может изменить своей привычке есть экскременты» в значении «плохого человека тяжело исправить») и многие другие. Таким образом, сравнивая поговорки, принадлежащие разным языкам, помимо обращения к культурному, историческому и социальному контексту, на фоне которых рождалась народная мудрость, необходимо также проследить отношение современных носителей языка к описываемой реалии. Зачастую статус какой-либо вещи или явления в обществе претерпевает изменения, что неизбежно сказывается на языковых единицах. Многие поговорки и поговорки, таким образом, оказываются устаревшими и неактуальными в контексте современной жизни, а по одному лишь факту их наличия в пословичном фонде языка нельзя сделать вывод о ее культурной значимости и особенностях.

Говоря о проблеме соотношения универсального и этноспецифического в процессе осмысления мира разными народами и отражения этих результатов в языковых единицах, можно сказать, что «позитивное / негативное отношение к каким-либо реалиям внешнего мира – это понятийная универсалия, поскольку в сознании носителя любого языка есть представление об оценке чего бы то ни было. А вот конкретная реализация этой понятийной универсалии применительно к конкретным фактам объективной действительности уже не имеет и следа той всеобщности, которая характеризует саму категорию оценки. Представители разных языкообразующих социумов ощущают, созерцают, оценивают и переживают по-разному» [Там же, с. 122]. Нагляднее всего результаты данных процессов отображаются во внутренней форме (образном основании) устойчивых выражений. Система образов паремий служит основой накопления и закрепления культурного опыта, а интерпретация образного основания позволяет проникнуть в логико-понятийную систему общества, что, в свою очередь, позволит увидеть национальную специфику осмысления и тонкости отношения к окружающей действительности.

Таким образом, форма выражения определенного смысла настолько же значима, как и сам выражаемый смысл. Связано это с тем, что «каждой из семантических универсалий, составляющих единый логико-понятийный базис человеческого сознания, может соответствовать неограниченное число самых разнообразных форм выражения, опирающихся на совершенно разные мотивации» [Там же, с. 282].

Для установления этноспецифичности или универсальности поговорки необходимо учитывать ряд критериев. Помимо упомянутой выше важности обращения к внутренней форме поговорки, т.е. к набору лексем и буквальному значению, выводимому на их основе, значимым является такой критерий, как прагматический и дискурсивный аспекты реализации смысла поговорки. Совершенно справедливым кажется утверждение В. П. Аникина о том, что различие поговорок разных народов при аналогичности или тождестве их прямого смысла проявляется, прежде всего, в сфере речевого применения: «поговорки только кажутся одинаковыми, когда принимают во внимание лишь их прямой смысл. Напротив, когда берется в соображение предметная сфера применения, сразу становится заметной разница поговорок. В речи народов они характеризуются своей иносказательностью, своей сферой речевого использования» [2, с. 394]. Таким образом, особую значимость при сопоставлении поговорок приобретают реализуемые в речи эмоционально-образные оттенки смысла, которые и заключают в себе национальную специфичность. Проиллюстрировать данное положение можно на примере английской поговорки *A friend in need is a friend indeed*. Согласно толковым словарям данная поговорка получает следующее толкование: человек, который помогает тебе в сложной жизненной ситуации, считается твоим настоящим другом. Таким же значением обладает и русская поговорка-эквивалент – *Друзья познаются в беде*. Однако, будучи помещенной в определенный социальный контекст, поговорка приобретает дополнительные культурно-специфичные смыслы. Так, в статье под названием «China opens door to world help with its Sars crisis» (*Китай просит помощи других стран в борьбе с эпидемией атипичной пневмонии*) данная поговорка функционирует в контексте, который придает ключевому значению поговорки дополнительный смысл: «Amid reports of panicking peasants rioting and as another nine Sars deaths were announced in China and Hong Kong yesterday, Mr Wen admitted it would still be a long struggle to contain the disease and that China could not do it alone. “The Chinese situation is still grave,” he said. “There's the need for us to recognise the fact that Sars is going to be a long-term, complex and relapsing epidemic. *A friend in need is a friend indeed*.”» [8]. / В условиях массовых беспорядков сельских жителей и после сообщений о новых смертельных случаях от атипичной пневмонии в Китае и Гонг-Конге, мистер Вен признал, что сдерживать эпидемию будет крайне сложно и Китай не сможет справиться с ней самостоятельно. «Положение в Китае все еще угрожающее, – сообщил мистер Вен, – нам необходимо признать, что эпидемия будет сильной, длительной и рецидивирующей. *Друзья познаются в беде*». Как видно из контекста, поговорка реализует следующий смысл: тот, кто чувствует себя настолько приближенным, чтобы просить о помощи в сложной ситуации, и есть настоящий друг. В данном случае можно наблюдать явление полисемии поговорок, поскольку из-за особенностей синтаксической организации поговорки невозможно однозначно вывести умозаключение о том, кто именно находится в беде – говорящий или же его друг. Русский же эквивалент исключает подобную неоднозначность толкования смысла. Таким образом, национально-культурный компонент паремической семантики выявляется на фоне определенной дискурсивной актуализации в речи. В зависимости от особенностей контекста паремия может изменять свое ключевое значение, обретая определенный прагматический смысл и наполняясь определенной уникальной культурной ценностью и значимостью. Подобная осведомленность о различиях картин мира и лингвокультур становится особенно важной в процессе межкультурной коммуникации [5], т.к. незнание тонкостей употребления языковых единиц, несущих на себе яркий культурный отпечаток, приводит к коммуникативному сбою.

Необходимо также упомянуть и о таком критерии, как общая стилистическая тональность поговорок и поговорок. Так, О. А. Корнилов приводит ряд примеров, доказывающих, что восточные поговорки характеризуются более возвышенным стилем и поэтичностью по сравнению с русскими эквивалентами, чья стилистика «оказывается явно сниженной, многие из них отмечены иронией, откровенной насмешкой или сарказмом, изобилуют просторечной (а иногда и бранной) лексикой» [3, с. 273].

Говоря в целом о соотношении универсального и этноспецифического в поговорочном фонде языка, можно сделать заключение, что упомянутая выше универсальность логической формы поговорок не исключает их способности передавать культурную и языковую специфичность: «универсальная и национально-культурная составляющие семантики паремической единицы находятся в комплиментарных отношениях. Наличие культурно-языковой специфики отнюдь не отменяет действия культурно-языковых универсалий» [7, с. 271].

Универсальность поговорок, принадлежащих разным языкам, проявляется, прежде всего, в их логической структуре, в выражаемом ими смысле. Национальная специфичность же находит отражение во внутренней форме, т.е. в наборе лексем и связях между ними; в эмоционально-образных оттенках смысла – дискурсивной и прагматической реализации смысла поговорки; в частотности употребления, а также в стилистической тональности устойчивого выражения.

Таким образом, восприятие мира, отраженное в поговорках и поговорках, у разных народов может совпадать, но не являться абсолютно идентичным, что говорит о национальной специфике отношения к окружающей действительности. При сопоставлении идиоматики разных языков необходимо опираться на «синергетическое взаимодействие языкового, коммуникативного, прагматического, психического и культурного аспектов» [1, с. 147], т.к. идиоматика определенного языка вбирает в себя черты его лексико-грамматического строя, что прямым образом влияет на семантику, которая, в свою очередь, неотделима от прагматики. Помимо

интралингвистических факторов, идиоматика любого языка подвержена действию этнопсихологических и историко-культурных факторов, поскольку она является отображением идеологии эпохи, воззрений народа, его психологии, рассудка, нравов и обычаев. Учет всех вышеупомянутых факторов в их синергетическом единстве позволит выявить национальные особенности осмысления действительности и отражение этих процессов в паремическом фонде языка.

Список литературы

1. **Алефиренко Н. Ф.** Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: Элпис, 2008. 271 с.
2. **Аникин В. П.** Теория фольклора: курс лекций. М.: Университет. Книжный дом, 2007. 432 с.
3. **Корнилов О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2013. 348 с.
4. **Левин Ю. И.** Провербиальное пространство // Паремиилогические исследования: сб. ст. М.: Наука, 1984. С. 108-126.
5. **Николаева О. В., Гавриленко О. В.** Интеграция китайских паремий в российское коммуникативное пространство [Электронный ресурс]. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/337> (дата обращения: 30.08.2014).
6. **Пермяков Г. Л.** Основы структурной паремииологии. М.: Наука, 1988. 240 с.
7. **Семенов Н. Н.** Когнитивно-прагматическая парадигма паремииологической семантики (на материале русского языка): дисс. ... д. филол. н. Белгород, 2012. 418 с.
8. **China Opens Door to World Help with Its Sars Crisis** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2003/apr/30/sars.china> (дата обращения: 19.08.2014).

PAROEMIC FUND OF LANGUAGE: CULTURAL UNIVERSALITY AND NATIONAL SPECIFICITY

Yakovleva Ekaterina Alekseevna
Far Eastern Federal University
Katty19061990@gmail.com

The article considers the problem of correlation of universal and nationally specific characteristics inherent in proverbs and sayings in any language. To reveal the ethno-specific features of paroemia, appeared against the background of cultural universals, it is necessary to rely on a synergistic unity of intralinguistic and extralinguistic factors that allows identifying the national specificity of reality comprehension.

Key word and phrases: cultural universals; paroemic fund; ethno-specificity; equivalence of paroemia.

УДК 81

Филологические науки

В данной работе проанализировано современное состояние проблемы представленности компонентов китайской культуры в процессе обучения русскому языку как иностранному. Выявлены причины, вызывающие явление «афазии китайской культуры» в преподавании иностранных языков. В конце статьи автор предлагает обратить внимание исследователей двух стран на необходимость и важность реализации принципа двусторонности, двунаправленности в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова и фразы: включение информации о китайской культуре; обучение русскому языку как иностранному; «афазия китайской культуры».

Ян Кэ, к. филол. н.

Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли (Китай)
mashayang1963@aliyun.com

**К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ
 В СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЙСКИХ ВУЗАХ[©]**

*Работа выполнена при поддержке Гуандунского университета иностранных языков
 и международной торговли (Китай). / 本论文为2013年广东外语外贸大学教学研究重点项目*

“论高校专业俄语教学的中国文化导入”的最终成果。

Главная цель обучения русскому языку в вузах Китая заключается в формировании у студентов высокого уровня коммуникативной компетентности при использовании русского языка. Компетенция в сфере межкультурной коммуникации у студентов проявляется не только в том, что они умеют свободно описывать